

Русский язык в богослужении и в богословской мысли

Не впервые поднимается вопрос о переводе богослужебных текстов на обыденный русский язык. Основанием к тому в глазах сторонников такого перевода является необходимость сделать богослужение более понятным. Такие попытки были особенно часты сразу после революции, в пору усилий государства подчинить себе Церковь, что привело к появлению разного рода обновленческих “красных” и прочих церковных объединений. Народ тогда не принял богослужения на современном языке. Обновленческие церкви стояли пустыми...

“Непонятность” богослужения заключается не только в языке. По-настоящему непонятно богослужение для тех, кто не знает основ православного учения. Именно с учением Церкви должен познакомиться человек, желающий посещать церковь, а “непонятность” языка – дело второстепенное. Преодоление препятствия со стороны постижения языка – несложно (это не латинский язык в католическом богослужении).

“Непонятность” богослужения лишь усилится, если языком его станет разговорный (обыденный, обывательский) язык, не имеющий всех богословских нюансов в своем словаре, лишенный традиционных фразеологизмов. И это тогда, когда существует близкий язык, но обладающий тысячелетним опытом молитвенного, богослужебного, богословского употребления. “Господи, помилуй” и “Господи, прости” – различны по своему значению.

Итак, первое мое возражение против перевода богослужения на современный язык состоит в том, что при таком переводе и богослужение, и богословская мысль не станут сколько-нибудь более понятными, а существующая традиция прервется. Для обывателя же “непонятность” богослужения во многом обострится.

Некто утверждает: “Вот я зашел в церковь и плохо понял, о чем там пелось и говорилось”. Но когда человек старается понять смысл службы, он, может быть впервые, совершает духовную работу. Откуда же требование, чтобы Церковь шла на уступки обывателю? Не Церковь должна кланяться обывателю, а обыватель – Церкви.

Среди “вспомогательных” аргументов в пользу перевода богослужения на обыденный язык приводится и следующий: “В католической церкви отказались от латинского языка”. Но еще пока нельзя судить, привело ли это к благим результатам. Ведь латынь играла, отчасти и сейчас играет, существенную роль в западной культуре, в западной образованности вплоть до последнего времени, позволяя читать и понимать всем (независимо от родного языка) латинских авторов, оставаясь языком юриспруденции и медицины, способствуя общению ученых западных стран и т. д.

А в целом, так ли уж важен для нас именно в решении этого вопроса католический опыт? Перевод католического богослужения на национальные языки уже сейчас привел к некоторым отрицательным результатам и в

церковном, и в светском уровне образованности. Это отмечено преподавателями многих высших учебных заведений.

Говорят: “Церковь с переводом богослужения на национальные языки станет более демократичной, более близкой национальной культуре”. Очень может быть, но есть опасность, что она станет не только национальной, но и националистичной. Не стану приводить примеры: они у всех на виду. Да и “демократизм” не всегда идет на пользу. Так, болгары еще больше отделились от сербов. А сербы – от болгар в результате перехода их богослужения на национальные языки.

Между тем очень важна общая молитва. Общий язык молитвы. Единство языка богослужения объединяло православных славян, как объединяло их единство языка письменности. Пока богослужение велось на церковнославянском языке, одни и те же книги были доступны для славян Балканского полуострова, и сербов, и украинцев, и белорусов, и русских.

Итак, церковнославянский язык играл и играет сейчас (хотя и в меньшей степени, чем раньше) объединяющую роль. У нас (и отчасти в других славянских странах) церковнославянский язык объединял культуру не только по горизонтали, но и по вертикали: культуру прошедших столетий и культуру нового времени, делая понятными высокие духовные ценности, которыми жива была Киевская Русь первые века своего существования ...

Это тем более важно отметить, что Киевская Русь была страной высокой книжной культуры. Как ясно теперь, после открытия берестяных грамот, – страной широчайшей письменной культуры. Надписи имели все культурные ценности: иконы, церковные сосуды великолепные фрески в храмах, одежда (особенно шитье, облачения и т. д.). Сейчас, когда мы впали в культурную нищету, это особенно должно нас трогать, и сохранить нашу связь с прошлым мы должны обязательно! Мы имеем великолепную письменность и литературу: сочинения митрополита Илариона, Нестора Летописца, Кирилла Туровского ... Нила Сорского, Максима Грека и сотен других, приобщиться к мудрости которых стало возможным благодаря свободе научной печати и таким собраниям, как вышедшие “Памятники литературы Древней Руси” и издающаяся “Библиотека литературы Древней Руси” (1-й, 4-й и 5-й тома уже вышли). Благодаря текстам, изданным параллельно на древнерусском и современном языках, мы можем оценить необыкновенную красоту языка Церквы, языка духовной культуры ...

Церковнославянский язык – постоянный источник для понимания современного языка. Сохранения его словарного запаса. Обостренного постижения эмоционального звучания обыденного слова. Это язык благородной культуры: в нем нет грязных слов, на нем нельзя говорить в грубом тоне, браниться. Это язык, который предполагает определенный уровень нравственной культуры. Церковнославянский язык, таким образом, имеет значение не только для понимания нашей духовной культуры, но и большое образовательное и воспитательное значение. Отказ от употребления его в Церквы, изучения в школе приведет к дальнейшему падению культуры.

Современный язык “очищается”, облагораживается в Церкви. Да, Евангелие должно проповедоваться на всех языках. В изданиях, где оно печатается параллельно на церковнославянском и современных языках, уточняется смысл отдельных выражений, разъясняется значение каждого слова. Современный язык никто не изгоняет из Церкви, но обращенные к Богу, Божией Матери, к святым слова должны быть свободны от обыденщины, не соприкасаемы с бранью и вульгарщиной.

Убежден, что необходимо сохранить верность тому сочетанию двух близких друг другу языков, которые исторически постоянно соприкасались в летописях, в посланиях Церкви и патриархов, в обращениях к народу патриархов и других иерархов Церкви, в проповедях (число которых в Церкви должно постоянно расти).

(Публикуется в сокращении)